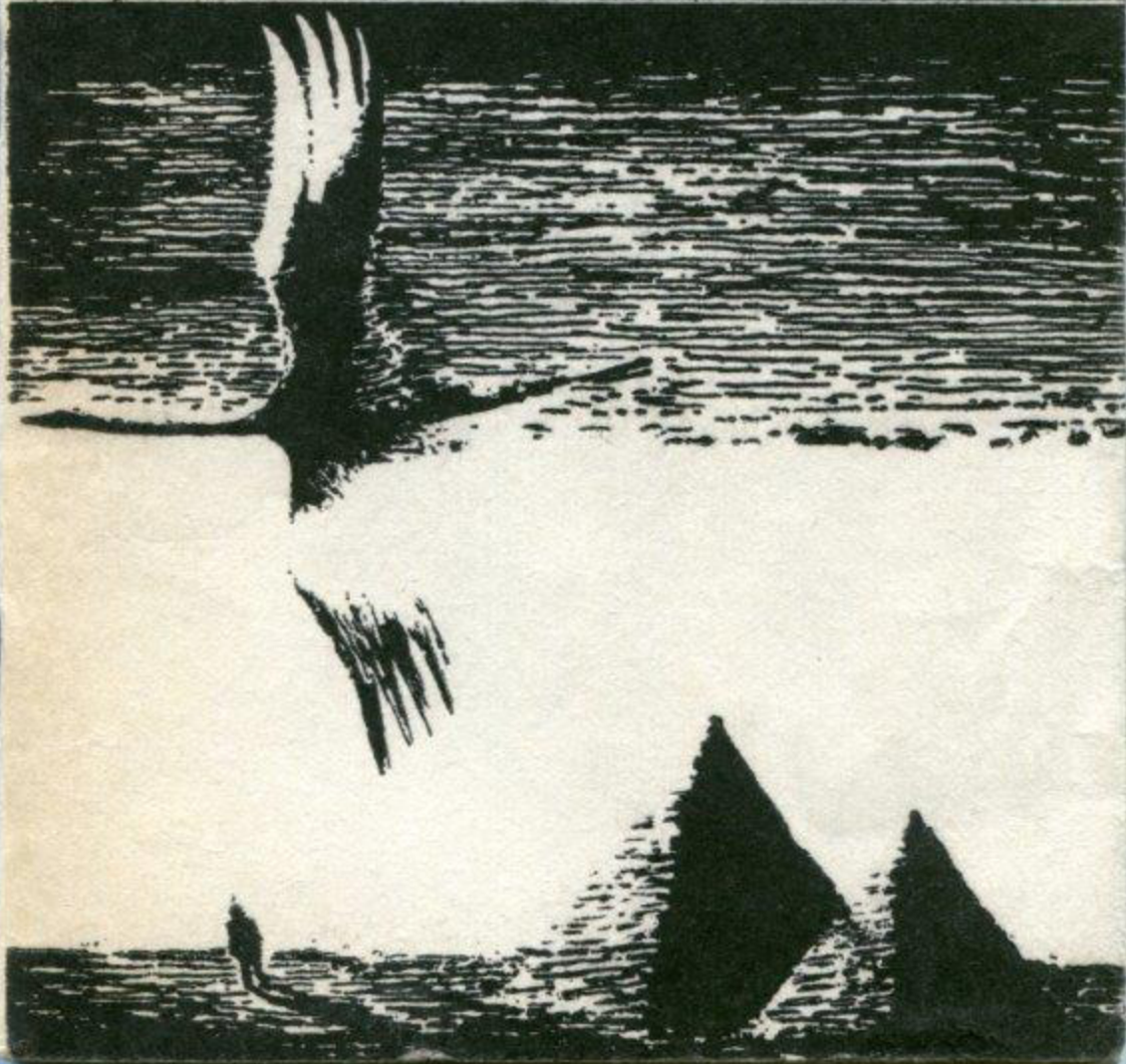
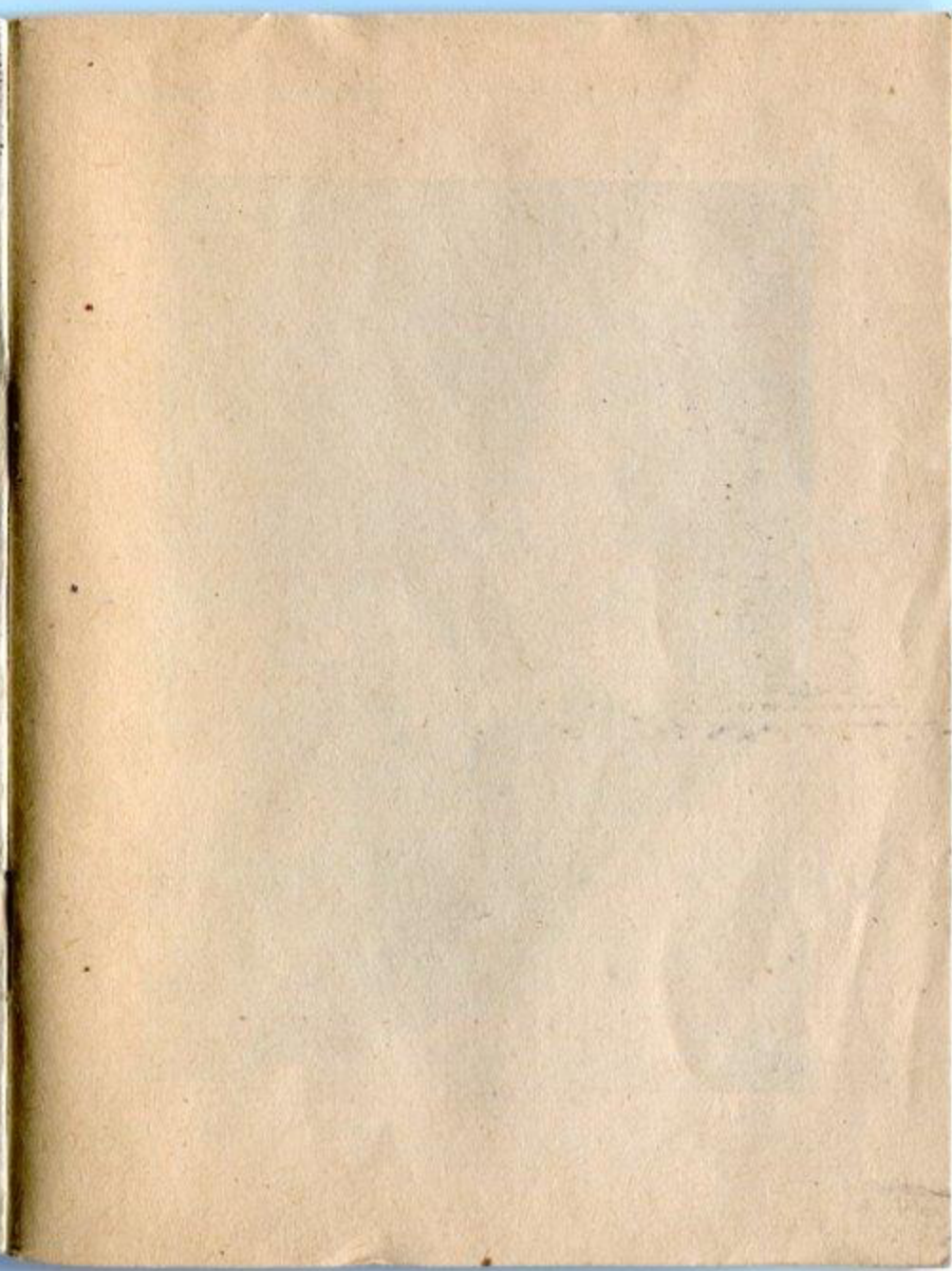
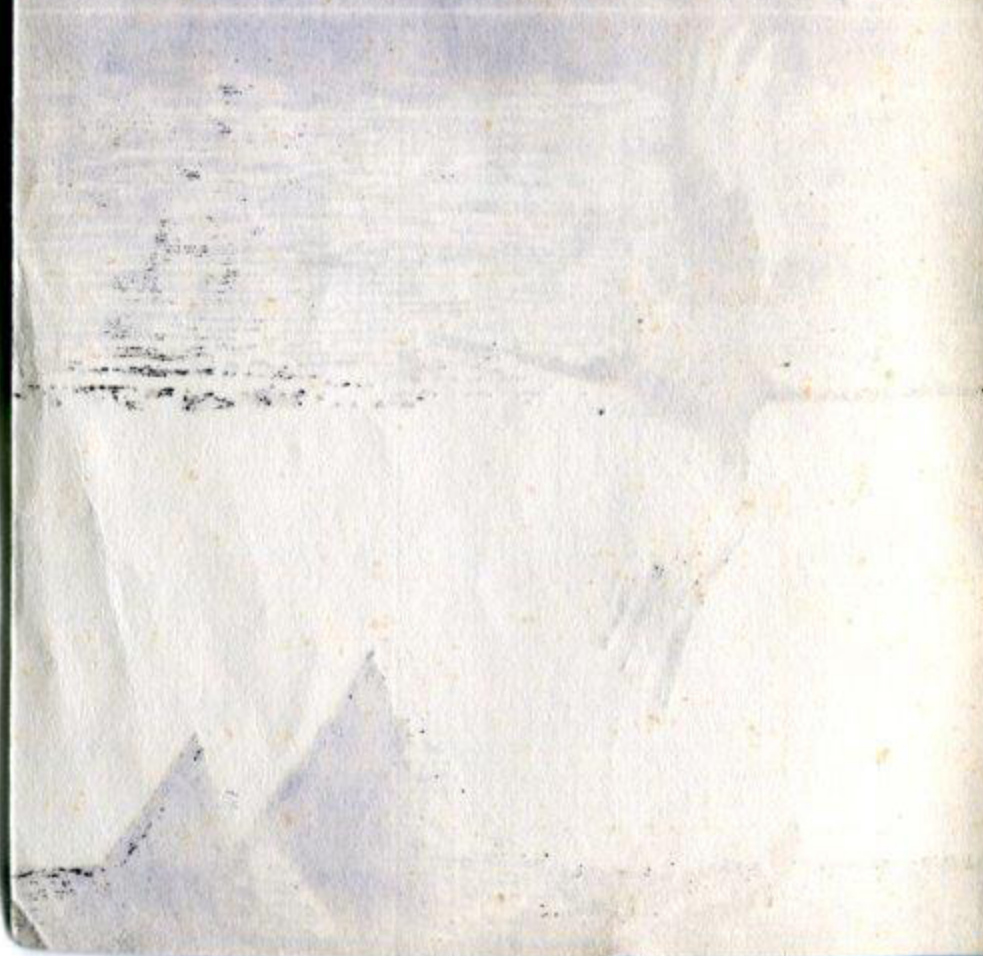

Мухаммад Солих

Луна в колодце

Journal of the
Linnæan Society

МУХАММАД СОЛИХ

10. VII. 84г.
Луна в колодце

Стихотворения

Перевод с узбекского В. Сосноры

Нине Омировне
от Мухаммеда
Аммуриева
Со-лиха
Со-сноры

Со-лихи

Соратини
Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1984

Со-лиху

Солих, Мухаммад.

Луна в колодце: Стихотворения (Пер. с узб. В. Сосноры). — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1984. — 92 с.

Автор сборника «Луна в колодце» — представитель той плеяды молодых узбекских поэтов, которые настойчиво и плодотворно ищут и находят новые формы, отстаивают свой, оригинальный взгляд на привычные явления. И не случайно в одной из статей, посвященных молодым поэтам Средней Азии и Казахстана, «Литературная газета» тепло отозвалась о стихах Мухаммада Солиха. С его своеобразным творчеством и знакомит читателей эта книга.

С 4702570200—70 90—84
М 352(04)—84

Уз 2

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1984 г. (Перевод, оформление).

* * *

Август.
Месяц, который никому не причиняет боли.
Листья растеряны
От этой внезапной нежности.
Попробуй ночью шепнуть —
Услышит луна.
Ступаешь тихо,
Чтобы звезды не посыпались на голову...
Август.
Листья ошеломлены.

* * *

У аруза мотив, —
Пусть уснетя светло
Декламатору ив,
Рисовальщику слов.

Каплет краска с луча,
Бог богатств — не кумир,
И не лампа — свеча
Озарит его мир.

* * *

Рассвет. Луна тускнеет. Луна, золотое озеро, испаряется все быстрее. Луна или озеро, где сны идут на водоной.

Рассвет. Нет ветерка, ни дуновенья — лишь холодная тишь. Но в лепесточках вербы смятенье. Какой-то и не заметный трепет, судорожный чуть-чуть.

Может быть, это дрожат ноги птиц, сидящих на вербе...

* * *

Ивы может и не быть,
Луна вовсе не обязательна.
Хватит с тебя и того, что есть:
Ночь.

Только ты про ночь не пиши,
Лучше ночи на грудь положи
Девочку
Заблудившуюся.

И нарисуй в детских глазах
Искрой штриха легкий испуг,
Так нарисуй, чтоб сказал любой:
Ей и испуг идет.

Сделай так и обрадуй ночь:
Чем еще ночи похвастаться!

ВЕЧЕР

Цвета смешались. Сумерки.
Как призраки — прохожие,
Их головы (ах, сумерки!)
Над мельтешеньем тел.

Как сон — дыханье вечера.
По всей земле расходятся
Сумерки синие,
Как акварель.

БЕЛЫЕ ТОПОЛЯ В ОВРАГЕ

Нет, женщины не рискнут спуститься в овраг. Не они стоят обнаженные среди бела дня. Они тут же почуяли бы что-то не то в тишине. И не смотрели бы на свои отражения друг в друге столь долго.

Но почему же эти белые тополя так похожи на женщин?

Почему тополя так напоминают женщин, как те спускаются в овраг, раздеваются донага и любят свои телами, не сетуя на подозрительную тишину, почему?

НОЧЬ В ГОРАХ

Вкруг одинокой горной луны
Тишь, дрожь, ночь,
Режет река свои валуны,
Как холодный нож.

Эта дрема, дурман и тьма,
Небо по звездам течет.
Ночь ни о чем... И любит тебя
Кто-то еще.

* * *

В груди дрожь, как на озере — рябь.
Лежу, с осторожностью приложу,
Как льдинку, звезду ко лбу.
Лишь сердце — мальчик-озорник —
Кидает камешек по камешку
В то озеро...

* * *

Молния блещет,
Гром гремит,
Ливень — ливня, а муравей
Попался врасплох, сидит на травнице, дрожит.

Дрожащий,
Он
Вскидывает маленький кулачок,
Грозит необъятному темному небу,
Как
Людвиг ван Бетховен!

* * *

Опускаются сумерки,
Тропинка медленно уходит в сад.
А там ее начинают щекотать
упругие травы с обеих сторон:
Тропинка смеется и убегает,
смеется и извивается... и снова
тихий продолжает путь.
Но вдруг в саду склоняются над ней
буйные деревья кучами густыми...

И тает тропинка.

* * *

Вот уж три дня, как осень.
Осень и есть:

Весь в летящих листьях,
С желтым клювом,

Ищет пищу
Голубь-цыган.

Вот уж три дня
Стоит к стене прислоненная
Метла —
Свергнутая хоругвь дворника,
Заболевшего вдруг желтухой.

ДУМЫ

Тишь не мутнеет в эти часы.
Звуки лежат на дне.
Лучи у природы здесь чисты,
И голос мой чист над ней.

Чист небосвод и чиста земля,
Травы омыты дождем струй,
Даже червь, даже змея
Так чисты — хоть целуй.

* * *

Человек, лежа в травах-цветах,
Смеется вдруг:
В этот мир в этот миг
Не сатирик, не лирик,
Не эмпирик, — а он, смеющийся, лег.

И думает, что муравей,
Ползущий по голой шее,
Думает: «Я иду вверх
По стволу дуба».
А бабочка, на руке
Сидящая? Что ей —
Кто он, кто лежит?

А тут же и пиджак
Валяется, как ничей,
И газеты из двух карманов
Торчат и смешат.

НОЧНЫЕ МЕТАФОРЫ

Гора—гениальный корабль, стоит не шатаясь,
якорь опущен, как равновес.

Холодно, холод. У елок тела покрываются кожей
гусиной и заостряются иглы у них.

Я смотрю: камень какой-то сбрасывает кожу.

Флейта сверчка похожа на тонкую, тонюсенькую
струйку фонтана, бьющую из-под земли.

А над травами что-то блеснуло...

Наклоняюсь над «что-то», чтоб взять рукой, и не
знаю, что это: звезда, блеснувшая здесь, слеза или же
светлячок?

* * *

Я не могу ни светить, ни сеять, а сад пуст.
Здесь
Не до моей любви, где и грач одинок.
Мне не зарифмовать, как скрипит лист,
Прилипая к подошве, а я иду.

Кто
Второй
Так полюбит этот сад?
Этот пустынный, —
Кто еще?

* * *

На провод сел дрозд.
Писать мне об этом?
Дрозд начинает вертеть головой.
Писать мне про этот жест?
Дрозд улетел.
Линия в тетрадке дрожит, как пустой уже провод.

* * *

Кто хочет лететь,
Но — никак,
Тому б не смотреть в небо.
Как бы то ни было, мне
Мерещится шум крыла.
Этот шум

У лица,
У глаз
И у груди,
Шум крыла
Когда-то подбитой птицы —
Он запомнился,
Как запах яблока,
Съеденного еще утром.

ВЕСЕЛЫЙ ЭГОИСТ

Аллах дал мне все, что я не просил.
В двадцать пять лет он дал мне чудесную плешь,
и она могла бы украсить главу любого деятеля наук.
Но я не ученый. Может быть, он решил, что я с об-
наженной макушкой лучше пойму, сокровенней пове-
рю?

На днях он вручил мне очки с золотой, как мне ка-
жется, оправой. Но я не любитель золота. Как же
так—он заигрывает со мной? Но в чем тут цель?
Он же знает, что даже в детстве я почти не играл.
Да, мне льстит, что играет со мной не кто-то, а он.
Но и эта лесть не способна расшевелить мою лень.

Больше всего меня восхитили стекла очков. Так
кристально ПРОЗРАЧНЫ при такой ТОЛЩИНЕ...
это ль не мечта поэта?

Но зачем ему захотелось посылать дары — мне,
не написавшему и строки, достойной его?

Может быть, он решил, что его лик будет лучше
виден сквозь линзы тому, кто смертен?

ЗАКЛИНАНЬЕ

Краткий и чистый, как колос,
и резной, как зерно,
лишь один, лишь единственный
дай мне, творец,

больше не надо, лишь один стих,—
пусть он вместится
у этой девочки
в кулачок меньше соловья.

СОНЕТ

Р. Парфи.

О любви еще напишется том,
О глазах — еще бы! — испишется стол.
А ты посмотри на голое дерево, без мет,
Как ты опишешь висящий последний лист?

С некоторых не взыскуется тем,
Если уж ты с одой не слит,
Труд у поэта начинается лишь там,
Где попадает в список последний лист.

Ну, не горюй, что за стеклами муть,
Если падет и последний лист вниз,
Если стекла скует звенящий лед,
И жизни твоей не хватит для всех дел, —
И, умирая, думай, как описать последний лист,
Даже в аду, поэт, нищи слова.

* * *

Свобода — это прозрачный дом,
Самый стеклянный авторский театр.
Сидится ли, ходится в доме том,
А видится — мир, а мир видит — тебя.

Ты, может быть, в доме вовсе не ешь,
А лишь твердишь природы азы.
Что скажут деревья про твой падеж?
Что думают молнии в ночь грозы?

И женщины — нет: не живется так
В прозрачном доме. Не тот бал!
Под взглядами звезд, как брат бродяг,
Ты спишь одетый и без одеял.

* * *

Живи, живи.
Но не желай жить дольше
Дерева,
Которое ты сам посадил.
Будь вечно,
Вечно жив,
Но не мечтай пережить
Сына,
Которого ты родил.
Жизнь

Люби изо всех сил.
Но не живи дольше,
Чем
Твой
Стих.

* * *

«Этому нравится конская торба,
птичья похлебка и львы.
Нравится осень, а осенью только
запах гниющей листвы.

Мнится ему, что он счастлив очень,
горд и глазасть весьма.
Как он смеет любить свою осень,
чем же хуже весна?»

Выслушав правоученья кротко,
я сжимаюсь и с грустью жду,
будто мне предлагает кто-то
свою собственную жену.

* * *

Пепельницы в форме рыбы,
черепахи
или же — женщины.
Как президент, обсуждает тезы
с женой о Войне и Мире,
так и поэт мировые проблемы,
разделяет — с пепельницей!

Хотя у любви есть время и мера,
хотя многоженство — не мост морали,
пусть же на наших столах повсюду
стоят пепельницы:
в форме чудеснейшей черепахи,
в форме ласковейшей лисицы
или в рисунках русалки!

* * *

Шар голубой—небесный. Надувай!
Не искренне искрятся звезды у вас.
Что славы лик?
Плюю в него —
И в профиль и в анфас.

Что рифмы? Что я видел — вот вопрос! —
Как бегал по пятам стиха-струны?
А что увидит побегушка-пес,
Облаявший мальчишек в ночь Луны?

СТИХОТВОРЕНИЕ

— Стойте, уйдите в сторонку
И ведра отставьте.
Это — колодец тайн.
Я сам попытаюсь достигнуть дна
Своего слова...

Он опускается, —
Спуск во мрак,
Смотрит во все глаза,
Кладка колодца на века,
Лишь прикоснется к стенке рука, —
Камнем студеным жжет.
Вот наклонился, вода, вода,
А за рябью — решеткой тонкой
Смотрит со дна — Луна!

Смотрит на свет. Свиданье...
Через решетку, — держись, друг! —

Не протянуть ни губ, ни рук.
— Спаси скорее! — просит Луна.
— Мне не спасти, — отвечает...

— Время! — сверху ему кричат,
Требуют воду и в ведра стучат.
Время! Подъем! Позабудь про Луну...

Бледным лицом к решетке прильнув,
Луна провожает его глазами
В противостоящее небо.

ХОРЕЗМСКИЙ СЕГАХ!

Я положу себя на эту музыку, на эту старинную. Я
положу на эту плаху голову, на эту старинную. Я
взойду на высокий эшафот, на высоченный, воспарю к
поднебесью.

Небо играет саблями, блещет.

Я поднимусь на самую высокую точку. Только бы
не остановиться.

Мне не страшна эта плаха.

Мне страшно упасть с такой высоты.

1. Сегях—узбекская классическая песня.

* * *

Если яблоня
Вдруг поумнеет
И будет раздаривать плоды
Тому, кому захочется,

Если к доктору человеку
Приползет лев с занозой в лапе,

Если муравей под каблуком,
Как лев, — заревет от боли,

Если станет символом мира
Не голубь, не только голубь, —

Кто знает? —

Может, и я стану в потах вмятней,
Может, и я стану поэтом.

* * *

Дни — хрустальные четки.
Я, как рефрен, твержу:
Нет ничего до точки.
И, суеверный, я тут.

И вспоминается ночь. Со мной
Неожиданный рефрен —
Это где-то опять соловей
Издает соловьиною трель.

В единственном экземпляре.

В ТЕНИ ПАМЯТНИКА

Это — полководец, он сидит на коне.

Нет, это кажется, а присмотреться: не полководец
уже на коне, а сам скульптор сидит.

Смотрим внимательней: в этой руке отнюдь не меч,
а длинное долото. Будто он отшлифовывает ухо коня.

Нет, не полководец, тот умер.

Это скульптор, который все еще не закончил свой
труд.

В ДОМЕ ОТДЫХА

Никто не любит тишину.

За моим столом сидит незнакомка. А стол такой
узкий — увь! — что, цепляясь за эту доску, я чув-
ствую себя висющим над бездонной пропастью. Губы
у женщины начинают шевелиться, и я уже знаю, что
это первые буквы бури. И... начинается:

— Почему Вы молчите?

О да, почему Я молчу? Ведь и я не люблю тишину.

И о том, что я не люблю тишину, я начинаю гром-
ко говорить. Женщина подхватывает каждое мое сло-
во на лету и, утроенное, возвращает тут же его. Я
парирую, но где мне успеть!

И я замолкаю, забыв о своей обязанности шуметь,
потому что стол становится уже и уже, — и вот он уже —
превратился и вовсе в соломинку, за которую я не
цепляюсь... уже.

ДЛЯ ВАС

Я смотрю на фотографию,
где я хорошо и широко улыбаюсь.
Я нравлюсь вам?
Обратите внимание на эту улыбку!
Улыбка, прибитая по углам гвоздями.
Чтобы нравиться вам, я вынес бы и не такую боль.

* * *

Открываю глаза и вижу: солнце блестит и слепит,
ветер дует и вьет занавеску, а тебя рядом нет.

Открываю глаза и вижу: шумят деревья, машут
птицы, белые облака колышутся в небе, а тебя рядом
нет.

Открываю глаза и вижу: ТЕБЯ РЯДОМ НЕТ.
О человек, не вовремя открывший глаза!

* * *

Шорох шагов отзвучал и стих,
Скрипит чиннара обманчиво.
Качает ветер качели, а в них
Сидит-глядит одиночество.

* * *

Дверь,—внезапный звонок!

Владея тяжелой силой волос,
Собирает их, кое-как заплетая,
К двери идет... и мысль:
«Кто же там... в ночь?..»

А дверь,
Которая видит с той и другой стороны:
И ее, и того, кто у звонка, —
Дверь молчит.

Что делать? Чувствует — сделай шаг,
И расслабится узел волос...
И расслабляется...

Звонок!
И звук, сверкая, трещит,
Будто бы тысячи сверчков
Из-за двери влетают в дом.

И рассыпается власть волос,
Падает множеством прядей
То, что на ночь с таким трудом
Наспех укладывала она!

КАК БЫ..

Как бы никто не посвящен,
Как бы Мекка лишь им, —
Нежность двух нелюдимых,
Дружба двух немых.

Как бы звук босых ног,
Мифической птицы мах крыл,
Как бы идет беседа двух,
И ни один не умеет лгать.

Телефонные трели! —
связи-узы,
нити, но не те.

Последнее стихотворение
(три слога, два ударения!)
на кнопке, на двери:
«Меня нет».

Не найдут адресата
письма ко мне, — как стая
бродячих птиц.

Если я уйду, обойдусь
Без «навсегда».
Ни каких-либо клятв,
Ни обещаний,
Что не возвращусь «никогда».

Потому что и так не вернусь,
И так — никогда.

Я испугался своей собственной мысли: через весь стол протянуться всем телом, и движением, как будто хочешь что-то шепнуть, коснуться твоих зеленых глаз... И делать это так естественно, будто все сидящие вокруг поступили бы не иначе, если бы перед ними были подобные глаза.

Делать непринужденно, как, например, верблюд протягивал бы свою шею за травкой, свисающей со склона бархана. Бархана, где тихо скользят блестящие песчинки, смешиваются, восстанавливаются и рушатся.

Так изменчиво твое лицо.

Так оно меняется, когда я смотрю на него издали, через весь стол. Когда же я приближаюсь к нему, когда на нем появляется тень от головы верблюда, песчинки перестают блестеть, я не вижу твое лицо и топлю в тени собственной головы, забывая обо всем.

* * *

Ты любишь эту девчонку
Потому, что она не как пальма стройна,
Губы ее — не бутон цветка,
Глаза — не объаты огнем.

Если бы вдруг этот стан
Стройным, как пальма, стал,
Уста — как розы бутон,
Очи — черный огонь,
Все равно, все равно,
Несмотря ни на что,
Ты любил бы эту девчонку.

* * *

Я радостный душой.
Я, мечтатель и друг бесед,
Я возьму цветок...
И тут же услышу от базилика:
«Не тронь, я — для женщин».

Я пойду к розе,
Я подойду к гвоздикам,
Все они скажут все то же:
«Не трогай, мы — для женщин».

Соцветья у яблонь
И у... картофеля
Кем-то объявлены —
И они «для женщин».

Тогда я иду к ней
И думаю:
«Что же ты скажешь мне,
Женщина?»

* * *

В эту ночь небо—как никогда!
В эту ночь и выпал белый снег.
Утро же, как пощада, мягкое.
Дворник протоптал тропинку, сбиваясь с ног.

На всех ветвях тишина белая.
Воздух недвижимый, удивительный, ранний.
Сыплется снежок, тихий —
Так девушка взор роняет.

Вся земля уже под снегом,
А я тебя до сих пор люблю.

* * *

О, не вдова
И не холостяк,
Никто не раб,
А не деться.

К себе — она,
А он — в свою,
Двое, чьи имена
Друг у друга на лбу.

В комнате у него
Огонек папирос,
А ее тахта
Ненавистью такой

Освещена.

* * *

Не тоскуй
В этот опасный миг, когда
Душу шемит красотой
Весна.
И берега твоих талых глаз
Вот-вот задрожат от слез.
Когда от нечаянного «Привет!»
Может отхлынуть сердце,
Когда вчерашние сны
Еще видны в твоих глазах,
Ты уж не вздумай ко всему
Еще и тосковать!

ГОРОД

Дождь так силен, с деревьев льет гуашь.
Арки так пузырятся, бурля:
А люди, убыстря шаг,
Торопятся, чтоб спрятаться от бурь.
Пуст город, этот камень неживой.
Дождь бледен, как лунатик у террас.
И, повернувшись к жителям спиной,
Лишь двери, двери в городе стоят...
Есть дверь одна, а около — окно,
Аквариум у берега дорог,
Где смотрит, не мигая сквозь стекло
Русалка, не смеющаяся в дождь.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ

Не мечтай об Аравии. Спрячь тоску, улыбнись.
Когда за окном нудный дождь и всякое дерево
острыми ветками указывает в наше одиночество — не-
выносимо мечтать об Аравии, даже думать о солнце.
Не мечтай и не думай, и уйми свою дрожь, девоч-
ка!..

Но не прячь тоску, не улыбайся насильно. Мечтай.
Может быть, об апельсине, которого нет и в помине.
Возьми же его и разглядывай, оттопырив мизинец ле-
вой руки так, как если бы ты, прищурив левый глаз,
рассматривала солнце, которого тоже нет.

* * *

Так-то и жил-был
Я с тобой.
Все у нас было: одна
Крыша и много дней.
Ласточка, ты говорила на языке птиц,
А я—как я, на узбекском языке.
Прощай, прощай
И не вспомнивай обо мне.
Прости:
Если ты рассказывала о чем-то смешном,
А не до смеха мне,
Или же заходилась грустью твой рассказ,
А я смеялся. Прости.

* * *

Я обманул тебя —
Этот цветок, но не тот запах.

Я еще раз обманул тебя —
Этот цветок, но не для тебя.

Я и в третий раз обманул:
Ведь не было ни цветка.

Но почему обманул я себя —
Ведь и тебя здесь нет!

* * *

Мы-то знаем, я и ты:
ибо
символ любви
не ива, не ива.

Желтая роза—не разлука.
Белый ландыш—не свиданье.

Как бы сказать им,
ты скажи им,
как мы любили друг друга,
в мире,
где выщвели все ивы,
в мире,
где сорваны все цветы!

* * *

Жизнь пройдет...
От тебя утаившись,
Хочу остаться в твоей памяти,

Незамеченный,
Я хочу остаться в твоей памяти,
Как гость, после пира за занавесом.

* * *

Я помню: был воскресный день,
А я тебя обидел.

У туч тяжелое небо,
Деревья срывают листву,
У тротуара камень черный.
Голубь идет, пугаясь,
Думая: каждый встречный
Это и есть охотник
На птиц.

Песик рыжеволосой
Дамы — включил на травке
Свой фонтанчик.

Что поделаться,
Ведь день был выходной,
И ни у кого не было дел —
Все смотрели на нас.

* * *

Тебе нравится то,
Что меня бьет и во сне,
Ты любишь то,
Что я не терплю,
Ты стережешь то, чего я боюсь,

Гоняешься за тем, от чего я бегу.
Лишь яд, предназначенный мне.
Я пью сам.

* * *

Я щедр, но я не царь.
Забудь, кто я.
Злая у сказок цель,
А ты — царицей
Держись!

Вообрази пустяк:
Обмана нет в судьбе,
Ты — дочка пастуха,
Царь сватался к тебе
Вчера.

* * *

Не помню, какие события произошли вчера.
Таких, как Осень или Лист — не помню совсем.
К тому же об этом не объявляли.

Но все-таки сегодня осень.
Значит, и вчера была осень —
И половина этих прилипших к земле листьев
Жила на ветках.

Однако я помню от вчерашнего дня одно:
Весь день твои дрожали губы,
А я сильно старался жить.

САМАЯ ОБЫКНОВЕННАЯ ПЕСНЯ

За моим окном: сады,
улицы,
города,
А еще дальше — моря,
дороги.
И дорога,
в самом конце которой —
твои глаза.

ТАЙНА

Я все сказал,
Я теперь пуст —
Вывернут весь наизнанку.
Тревога, что в твоих глазах,
Была только что моею.
Я знаю, страшно жить без собственной тайны,
Я знаю, предал тайну — друга сердца.

Отбросив черную шаль с лица, глядит на тебя
Муканна¹, вышедший из моей груди.

¹ Муканна — национальный герой, который свое страшное лицо прятал под маской.

ЖИЗНЬ

Жизнь прекрасна.
Она так прекрасна, что даже за тебя я не хочу умирать, моя любимая.
Жизнь прекрасна.
Настолько, что стоит плакать по ней до конца жизни, оплакивая ее с того самого дня, когда ты впервые узнал, что существует смерть.
Так прекрасна жизнь.

• • •

Мне было шесть лет, когда я узнал, что у моего отца руки пианиста. Так сказал кинооператор, приехавший из областной киностудии в наш кишлак. Это было подхвачено матерью. Она не упускала случая кольнуть отца, что «он так пьет, что об этом знают уже не только в кишлаке».

Помнится, никто не мог объяснить ей разницу между словами «пьяница» и «пианист». Она понимала, как хотела.

Отец же, чуть пригубив пшалу, сетовал, что теперь топят газом, пренебрегая искусством отцов — класть печи. И говорил, что когда-то он поднимал печи, как раздумья. Я не очень-то понимал, что такое «раздумья», но чувствовал: это — сильное слово.

Теперь я знаю, что не ошибся. Знаю и то, что мать невпопад упрекала отца, да и зря. У отца были чудесные руки, руки не пианиста.

* * *

Нет у весны рук,
Но есть мизинец.

Вот она коснулась чуть-чуть,
Верба набухла,
Солнца коснулась, и солнечный круг
Заколесил, как безумец.

Еще осторожней,
Легче и чище
И коснулась и не коснулась
Тех едва заметных линий
У девочек-школьниц.

...А вообще-то: шла весна,
Давая дорогу
Всем выходящим!

СИЛЛОГИЗМ

Хлопок — это облако-шар,
Катящийся по земле.
Нет. Сравненье не то.

Может быть, хлопок — клокочущий жар?
Нет, и это не так.

Хлопок — это клубящийся жар
У дехканина изо рта,

Как дыханье,
Как слова!

А дехканин, а человек
Будет дышать до конца.

ВЗГЛЯД

День — исписанный лист.
Пусть.
Ночь — сожженные стихи.
Пусть.
Но нет имени Смерть.
Есть лишь Жизнь.
Жизнь яростных мыслей.
Века прожигает наш Зрачок
Круглый угольный пласт Мечты.

* * *

Человек, который собрался в дальний путь, должен
иметь прежде всего — свой дом.

В доме должен стоять большой чемодан, а в нем —
между прочим, не грех завалиться хотя бы одному
кошельку.

У путешественника должны быть умные сыновья,
чтобы не ждать от него подарков, и терпеливая жена,
чтоб ждать его самого.

Наконец, человек, который собрался так далеко, не
должен быть уже седой.

Хорошенько подумав обо всем, я отказался от об-
суждаемой мысли.

* * *

Увидел я в небе лицо поэм,
Не зацелованное никем, —
Это была луна.

Я птицу увидел: летит, пилот!
— Как твое имя? — Не знает, поет.
Это был соловей.

Я вижу растение — ему ни одно
Стихотворенье не посвящено.
Это — цветок.

Еще я увидел без всяких примет
Какой-то круглый и твердый предмет,
Не брошенный ни в кого, никогда.

Это был камень.

* * *

Сын мой, и я
Не так-то уж что-то знаю
В том, что
Именуется мирозданьем.
Я лишь тешусь догадкой смутной,
Что
Умирают не от избытка счастливы,
Седеют не от кутежей,

* * *

Тот мигнет, а тот усмехнется,
Бурлит беседа, как водоворот.
А вдалеке от вранья чье-то ухо
Зажигается, как факел.

Бурлит беседа, как буря вод,
Иссякнет мощь языка,
Наш круг плывет в тишине к нему,
Уху, горящему, как маяк.

Держал его руку и сжимал: «Поверь, я уже поумнел, я вернусь на эту землю и никогда не уеду в город. Я буду воспитывать то дерево, которое ты посадил, я буду помогать моим братьям, мы все будем жить вместе. Я никогда не уеду в город, поверь...»

Так я лгал умирающему человеку.

КОГДА НЕЧЕГО СКАЗАТЬ

Когда мне нечего сказать у друзей, я сижу с выражением на лице, как мыслитель. От этого никто ничего не теряет, никому не больно. Это мой любимый прием.

— Неужели так уж плохо, если ж человеку нечего сказать, и он сидит пусть как мыслитель, но — молча, молча!

* * *

Конь спит стоя
В конюшне...
В гриве гром спит.

Чтоб приласкать коня,
Сколько понадобится дев?
Может быть — сто?

В конюшне
Конь спит,
А с шеи коня на грудь коня —
Грустная гром-грива.

ВЫ И ОН

Вы — ему принесете, поставите в вазу цветы. Он не горюет, но и не рад, — чему же ему удивляться? Он лейку возьмет и льет воду в вазу, цветы поливая.

Вы — ему положите десять рублей на стол, а он без эмоций возьмет их и уйдет в магазин, чтоб купить еду. Получается, деньги растут на столе, а владелец стола как бы и не знает про вас.

Ясно, вы не нуждаетесь ни в «спасибо», ни в... но его выдержка бесит. Вы, немея, увидите лишь невозмутимость, и взгляд ваш вспыхнет. А он, увидев, что вы смятены, так спросит:

— Что вы хотите от меня?

— Спасибо! — вскрикните вы, уж не владея собой.

— Не за что, — ответит он и, повернувшись спиной, станет лить воду в цветы или возьмет десять рублей со стола и уйдет.

ГОРЕ

Не идет, как див на ногах огромных,
А иногда крадется, как кошка
Обыкновеннейшая на лапах,
А у кошки — острые когти.

Чтобы вынести, битв не нужно,
Не обязательно быть и дивом,
Нужно лишь простым человеком
Быть, у которого горе.

Я не нуждаюсь ни в Черном, ни в Белом море.

У меня есть кресло, мое Зеленое море, оно уютное и без бурь.

Я закрываю глаза, потом уши и погружаюсь. Я закрываю глаза, чтобы на дне их открыть, таким образом я сохраняю энергию зренья зрачков для глубин моего моря. И уши нужно закрывать, чтобы с предельной точностью измерять давление тишины.

Касаясь же дна моего Зеленого моря, я с удовольствием отмечаю множество горизонтов. Ведь над морем всегда — один горизонт, здесь же их — тысячи.

Представьте же стан рыб, как плывут они одновременно ко всем горизонтам!

Я не раз пытался потрогать тех рыб, воображая, что это мои личные мысли, но рыбы от соприкосновения тут же исчезали.

Вот почему я теперь понимаю смысл афоризма: «Мысль изреченная есть ложь».

ОН

I

И приходит с чем-нибудь на плечах,
И уходит с чем-нибудь на плечах...

Сжался над ним, скажи ему:
«Возьми свой мешок, положи у ног!»
И он положит.

А ты продолжай, жалей:
«А рубашка теперь — не тяжка тебе?
Снимай и ее к чертям!»
И он снимет.

«Иди к себе, отдыхай!.. Не стой
На улице, ты же — гол!»

Но, увидев, как он пойдет,
Крикни ему вдогонку:

«Какого дьявола сгорбился опять,
В руках — ничего, на плечах — ничего,
Что ты еще на себя нагрузил,
О человек!?»

II

И, выйдя утром на веранду с чашкой,
Он спросит у вас, сосед:
«А куда ушли птицы?»
Не хмурьтесь,
Не говорите, как вот сейчас, усмехаясь:
«Ах, птицы? В такой мороз?»
Но вы улыбнитесь,

Подыграйте ему на минутку,
Обнадежьте:
«Птицы придут, вот-вот вернутся, вы—ждите!»
Но не лукавьте, как вот сейчас, говоря:
«Ушли пить воду — ваши птицы!»
Ведь он вышел с чашкой,
В ней вода, как видим, для птиц.
О вода замерзающая,
С каждой секундой ты становишься тверже...

III

Если кто постучит,
Он тут же откроет,
Будто всю жизнь за дверьми
Ждал лишь вас.
И заулыбается:
«Я раз хотел спросить вас
Вот о чем...»

И вы пройдете туда, к нему,
В комнату, к старому креслу,
Сядете, как хотите, а он отстранится и спросит:
«Я в этот раз не обременю вас,
Если?..»

Увидев, что вы изменились в лице,
Он смутится, он извинится:
«Простите, я уж в другой раз,
Вот у вас будет время...»

И тут же выйдет из дома.
Из своего.

IV

(Почему «воля» и «птица» соотносятся в языке?
«Я — вольная птица!» — почему?
Потому что
Образ обыденный, оскорбляющий птицу,
Оскорбит лишь себя.

У птиц нет обид.
Никто ее не накормит, —
Не обидится, обойдется,
А кто-то накормит — не скажет на скатерть
«спасибо»,

Ведь и кормящий
Любит за это — себя.

Говорят, птицы пугливы.

Нет!

Если уж они и пугаются, то
Это лишь знак: уходи, убегай, улетай
И от этой сети и от этих ловцов!

V

Чтоб нас, друзей, не огорчить,
Он не скажет: «Мой друг умер»,
А говорит:
«Я — друг мертвых».

Он не может взять и сказать:
«Я люблю осень»,
А скажет: «Я люблю созревшую весну».
Ему никак не сказать: «Я не пью»,
Он говорит, оправдываясь:
«Я — виночерпий разбитых бокалов».

Он — слепой певец грустных лиц,
Дальний родственник
Не будущих,
А уходящих праздников.

НЕБО

Осторожное небо. Сильное, но очень осторожное.
Иначе снег не падал бы так монотонно, так мягко не касался бы земли.

Сильное, но уставшее небо. Оно дремлет, держа в руке свое сито. И не отпустит его ни за что.

Осторожное небо... Оно даже во сне знает, что делает.

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЯ

Аману Матчану

«Мы в город проводим своих сыновей,
А через день
Снова встретимся с ними во сне.
Но и наяву не опустеет кишлак.

Пари идут, кивают, напоминая нам...
Лишь окликают: «Хола»!¹
Мы проводим в город сыновей,
А через день —
Кто стучится ночью в окно?
Это — они?
Но, распахивая окно,
Убедимся — это ветер бродячий, босяк.
Матери, призовем же отцов,
Напишем все вместе письмо
Сыновьям,
Большущее, как воздушный змей!»

Я видел это письмо,
Оно
На центральной улице, на

Д
Е
Р
Е
В
В
И
С
Е
Л
О
Д
И
Н
О
К

1. Хола — по-узбекски «тетя».

* * *

У меня в языке нет и буквы худой.
Я — счастливчик.
Что ни слово мое — цветок.
И я с улыбкой цвету.

Я кормлю себя и семью
Медом
Цветка,
Льющимся
С языка.

* * *

Десять сыновей ушли на войну.
Остался отец.
За четыре года отец ослеп,
Но волос не поседел.

В Европе погибли десять сыновей,
А у нас умер отец.
Вот он лежит, морщинист и нем,
Но не сед.

Если жизнь — это цепь метаморфоз
И старик рождается еще,
То рождается ребенок, похожий на всех,
Но с головой седой.

СЛЕПЫЕ

В нем не было ничего, кроме пятнадцати лет, проведенных на чужбине.

Он стоял и смотрел на мать, на отца, потом на своих братьев и сказал полушепотом: хорошие люди!

Он пока не ударился о память головой. Но он стоял лицом к лицу с нею.

Память его ждала, как сленой слепого.

* * *

Есть у меня путь,
О нем
Не знает и лучший друг.

Единственный мой путь,
О нем
Я не скажу и стиху.

Такой единственный, что
Ни на ухо, ни камню
Я не доверюсь...

Один мой путь —
Дорога.

Она, как вернейший змей,
Свернулась в клубок,
Легла у порога —
Мой дом стережет!

ТРИПТИХ

I

Бывают глаголы, которые произносятся сквозь зубы. Их не произносят, а процеживают. Это как равномерный и тихий подвиг сердца. Это словно ленивая ярость или стиснутые губы.

Особенно глагол «ждать». Судьба этого слова на всех языках одинакова, на всех—сквозь зубы.

Человек не верит ни часам, ни дням, ни ночам. Он верит обещанию.

Всякий трепет в теле ждущего связан с обещанием, но не с днем или ночью. Он силен настолько, насколько сильна вера обещанию.

Подобная чувствительность часто приносит тебе иллюзии вместо стука в дверь или в окошко, каждый шорох в твоём смятом сознании легко может превратиться в грохочущий стук, а сам—в огромное ухо. Глядя в окно, мучительно желаешь увидеть в этой рамке силуэт на фоне дня или ночи—неважно. А если не увидишь, в один миг удаляется в тебе услышанный шорох, и ты в страхе бросаешься к двери. Но спеша к ней, чувствуешь медленное возвращение эха того стука. Наслаждаясь этим, открываешь дверь... Но в лицо ударяется лишь сжатый воздух улицы. Сжатый, как предыстория появления. Впрочем, при этом ничего

не рушится. Все остается на месте—и вера, и обещание, если не сказать о щелчке английского замка. (Раньше замки открывались только снаружи и были похожи на затвор винтовки образца 18... года. А теперь пошли английские. Они закрываются с обеих сторон—с улицы и изнутри. Эти замки щелкают, точно затвор автомата). Этот же щелчок слегка ранит тот равномерный подвиг сердца и ту ленивую ярость.

II

В день солнечный ли, пасмурный ли—все равно—ждешь, внутренне дрожа от нетерпения. Дни вовсе ни при чем.

Вот двери—да. Любая дверь—чудо. Особенно, когда дверь открыта.

Она как огромный глаз, под взглядом которого ты дрожишь, хотя тебе кажется, что эта дрожь не от ожидания, а от того, что сквозит. Этот глаз темен, как коридор. Темное его излучение тебя пронизывает, не дает безмолвно ждать...

Наконец ты утомленно улыбаешься, кривя губы, с видом человека, придумавшего хорошую уловку против неприятеля: быстро переводишь свой взгляд с огромного квадратного глаза на меньший квадрат—на книгу. Болтливую. Дверь-то видит, что болтовня еще никого не спасала, и ее взгляд все пристальнее. Ты, в свою очередь, упорствуешь и становишься самым последним

притворщиком. Собственная чувствительность раздражает тебя, и ты думаешь. «Кажется, он превратился в огромного квадратного человека и стоит уже надо мной».

Ты резко вскидываешь голову, желая увидеть его над собой. Он же при этом с удивительным проворством становится на свое место, быстро и четко, прямо как солдат по команде. «Три шага назад!»

Уловка тщетна.

Тебе остается закрыть эту, похожую на огромный глаз дверь. Закрываешь ее осторожно, чтобы не причинить ей боль. С усмешкой неожиданно вслух говоришь: «Раз она может действовать на меня, то, очевидно, может чувствовать и свою боль».

Дверь без единого скрипа поворачивается к тебе спиной и остается, уставившись в коридор.

Ты возвращаешься к креслу (где ты, дрожа, ждал и притворялся читающим), ступаешь осторожно, словно боясь уронить тот тихий подвиг сердца, ту ленивую ярость.

III

Ждать всегда следует под музыку. Не только ожидание, но и любая церемония сопровождается ею. От футбольных матчей до похорон. Любая.

При ожидании же музыка нужна не для того, чтобы забыть тот равномерный, как и дыхание, подвиг сердца или ту ленивую ярость, наоборот, она нужна для равновесия.

Включая приемник, чувствуешь, как музыка сплетается с ними — с подвигом сердца и ленивой яростью. Если она слишком громкая, ты, конечно, убавишь звук (так гладят по головке расшалившегося ребенка, успокаивая: «Не надо»): Она должна напоминать далекое эхо подвига сердца и ленивой ярости, а не вспугивать их.

В каждой мелодии есть пробелы, окрашенные легкой росписью. Они как тонкий занавес над тишиной — за ним всегда можно увидеть безмолвие.

Подобные промежутки в музыке предназначены для стука в дверь. Самый тихий стук в дверь ударяется в тот занавес, словно иглы ветра. Ты непременно увидишь их на таинственном занавесе, и волноваться тебе незачем.

Несмотря на это, на волнах музыки не следует лежать, закинув руки за голову, закрыв глаза. Это слишком сладкое чувство. Такое состояние может нарушить ход ожидания. Это как в море. Ты в любой миг можешь уснуть и утонуть в нем, вместе с подвигом сердца и ленивой яростью.

* * *

Еще не взяв урок у Аристотеля,
Еще не зная континента Азия,
Не ведая о воинских маневрах,
Был Македонский мальчиком, как вы.

Он, чтобы видеть улицу из комнат,
Цеплялся, как и вы, за подоконник
Рукой, и кровь текла из-под ногтей,
И покрывался потом лоб мальчишеский.

Но все равно людей увидеть он не смог,
На подоконник так и не вскарабкался,
А видел головой своей лишь головы,
Лишь головы людей текли в глазах его.

* * *

Ты,
не умиравший ни разу от слова по имени «голод»,
не сохраняющий урн и не уронивший слезу,
ты сегодняшней, выставляющий, как на манеже,
в день рождения жену и детей,
ты,
никем не обманутый, а сам сегодня солгавший,
что тебе тридцать лет...

Не победивший ни разу ни в чем никого,
не побежденный ни разу нигде и никем,
ты через год вновь обманешь людей,
что тебе тридцать один.

* * *

Три года молила старуха аллаха,
Чтоб в одиночку встретить конец.
Старик — не молился.
Взял и умер, хитрец.

Зачем же эта планета старухе
Без старика,
Если она ох как не любит
Тех, кто все делал исподтишка.

* * *

Ты умер.
Теперь эта смерть — не твоя.
Это
Смерть твоей жены
Волосы ей рвет,
Это
Смерть твоих детей,
Уж не сыновей, а сирот,
Это

Смерть твоего пса, —
Стоит и скулит, без слез.
Это
И моя смерть:
Ведь ни слова добра, друг,
Ни разу я не сказал,
Когда эта смерть была
Еще твоей.

ПРОЩАНИЕ

Зуб на зуб не попадает, —
Дрожь.
Палец к пуговице последней
Прилип.
В язык вонзилось последнее слово —
Молчать.
На шею навесил черный шарф —
И все.
Конец. Немыслимо притворяться,
Что
Еще одеваешься, — нет больше одежд,
Все, что надето, все на мне —
Все.

* * *

Я не глупец, не бью стекла-окна,
Ветер их бьет за меня.

Мне не нужна крыша —
Вот бы ее унес ураган!

Может быть, дедовский ковер,
Мечтатель со стены,
Взлетит и меня возьмет
Далеко-далеко...

* * *

Даже если бабушка и стара,
Все же она была, как и мы —
Как ребенок.
Ведь она рассказывала, веря
Во все сказки.
Веря —
В птиц,
В людей
И в бога.
Как-то она
Три дня и три ночи не открывала век,
А мы изо всех сил не смыкали свои.
На четвертые сутки она уснула, совсем.
Может быть, бабушка постеснялась
Проснуться и тут же увидеть нас,
Таких измученных за эти
Дни и ночи.

* * *

Вещи перестали двигаться вдруг,
Стих сам себя не переписывает.
Нет у книги желания листать
Самое себя — скучно.

Потому что кончилась дорога,
Недвижим лежит человек,
И рука, простертая на столе,
Ничего не выражает. Все.

Нет тяжести в этом кулаке,
Спит человек, свободен, как свет.
Спит. И только птицей над ним
Кружат «Последние известия».

* * *

Вот: у ворот
Выход в гвоздях.
Дверь и окно
Где-то гостят.

Это же так!
Все ушли.
Остался цветок
В горшке из глины.

Своя вина
Хорошо видна.
Кури, если курится,
Вьется дымок,
Завивается!.. Но цветок
В чем провинился, грустный друг?
Вот и он выдыхает во весь дух
Свой эфир —
Мне в лицо..
Вот одиночество:
Оно
Делает злым не только человека.

СМЕРТЬ ДРУГА

I

Друг мой, ты в первый раз
Не взглянул на меня, не сказал: «Здравствуй, друг».
Ты ушел на закат, глаза померкли, закрылись.
Очки на столе: забыты.

II

В наше время
Можно любовь предотвратить,
Можно и время предотвратить,
А это смерть, смерть.

III

Или теперь ненавистник твой
Вдруг возлюбит тебя?

Или стыдящийся глаз твоих
Вдруг потеряет стыд?

IV

Но как плачет по другу друг,
Не женщине видеть, не ей смотреть:
Я отвергаю твою Луну,
Луна — ведь тоже «она».

V

И если ты спросишь сейчас: «Ты жив?»
Как я отвечу: «Да?!»

* * *

Нет меня. Не спрашивайте, не ищите, не ждите,
не пейте за меня, потому что меня — нет.

Я четвертован в этот четверг.

Я четвертован, казнен: внезапностью твоих слов,
пиалой с вином, тобой и всем тем, что было у нас с
тобой — машущим вслед нам счастьем.

Не поднимаются веки, я вдруг устал.

Мне не сказать ничего.

Опухли слова. Они у меня бегают по горлу, как по
раскаленной тропинке, — босые. Они опухли.

Мне не сказать ничего хорошего.

Нет меня, не ищите!

* * *

Я заболел.
А по правде — слег.

...И вот он
Держит мой пульс, как горящий уголь,
В своей ледящей руке,
Объясняя,
Как быть:

— Горшок с цветами у изголовья
Выбросим во двор.
— От куренья, — он говорит, —
Я отучу. Нельзя.
Отдайте табак героям поэм.
И вот что важно! — воскликнул он. —
Забудьте о звездах, от них дует...

И вот наконец-то всезнающий он
Вышел вон!

* * *

Утро собирается встать.

Я, человек, который стоит вот здесь — между ночью
и днем.

В моей душе нет ни единой мечты, ни единого со-
жаления. Ни мысли о смерти, ни думы о жизни нет в
моей душе.

Пока утро собирается встать, я начинаюсь вот отсюда. Я не знаю, где кончаются мои руки, не знаю, где иссякают мои ноги.

У меня нет ни имени, ни фамилии.
Я будто сын Сновидения.

НА ВЕРАНДЕ

Эти звезды цикада, эти белые бусы
Надевает на свою короткую свирель.
Твоя голова склонилась над спичкой —
Над пламенем, как над поцелуем.

Запах табака, как память, бродит.
И вновь лицо твое уходит в ночь.
И приближается тот, по ком тосковал,
Когда ты ушел от самого себя.

На веранде не ты, а он сидит.
Один — под огромным звездным небом.
Только твоя рука возле него дрожит
И роняет теплый пепел, как слезу.

* * *

Лампы не те, мотылек не тот.
Сверби, желудок, душа, пируй!
Любовь — удача, поднимем тост
За поцелуй!

Так мало губ, целовать — никак,
Но можно еще любить и идти,
Глаза завязав, перепутав шаг,
Чтоб заблудиться на полпути.

И радоваться: не убит наряд,
Все то же скрешенье сердец и стрел,
Хоть лампы иные у нас горят,
А мотылек — сгорел.

* * *

Птицы устали петь.
Птицы уходят пить
На пруд. В тень.

Листья скользят мимо нас,
Летят чуть поодаль вниз
Сами по себе.

Таятся три слова в доме:
Некого, некому,
Никому.

Странная ночь в тиши,
Даже в душе — ни души.
Лунность! — ни глаз, ни губ.

ВРЕМЯ

Рыбы выпрыгивают из вод.
У рыб видоискатель — глаз:
На берегу старик — рыбак,
Вербка виднеется.

Рыбы выпрыгивают из вод,
Видит теперь рыбий глаз:
Газету, оставленную рыбаком,
Заходящее красное солнце.

Рыбы выпрыгивают из вод,
Глаза их круглы, как часы.
И ничего в них.

ПРОТИВ СРАВНЕНИИ

Черствый как камень хлеб...
Вовсе не черствый и не камень.
Это сравнение лишь ложь,
попробуй на вкус, не кидайся.

Птица, как пуля, летит..
Спросите про этот эпитет
Тех, сквозь кого летала она, —
Ответят: «Пуля — не птица!»

НОЧЬ ЛЕТА

Звезды идут тик-тик,
Их океан, и он тих.
А ты возлег на Земной шар
Рыбой, лишенной жабр.

Так уж разумно ли ты живешь,
Не выплывая к звездам, лежишь,
Чувствуя рыбой себя в ночи,
И лишь над собой — лучи?

* * *

Если ты, увидев слезы, слеп,
Если ты, услышав стоны, глух,
Как же не наводняться реке,
Кому же, как не земле — трястись?

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О НАСЕКОМЫХ

I

Старуха оса, до сих пор ты не ужалила никого.
А теперь, пожалуй, уже и не ужалишь.
Чем же, бедняга, ты занималась всю жизнь?

Гляньте-ка на жука!

Ну и ну! —

Трое суток от роду, а он усы отпустил!

ШТРИХ

Милые лица

Или ядовитые улыбки,

Белые зубы он с ходу прочитывает,

Как маленькие рассказы.

Он, протянутые ему руки

Пожав, кладет на ладони рядом стоящих,

Как артист,

Подержав немного подаренный ему букет,

С улыбкой кладет на стол...

ЗЕМЛЯ-МОРЕ

Вот канул год! И этот завершен,

День ото дня не думая о дне.

Земля — как море. На волнах времен

Мы — временны. А вечные — на дне.

Плывут по Африке века и честь

Египта, — уникамы-поплавки.

Кто автор их, где каменщик чудес?

В земле утонут ум и пот руки.

Хива и Самарканд плывут, плывут.

У минаретов — как музейный вид.

А мы великие — способные тонуть —

Мы тяжелей времен и пирамид.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Душа боится своей красоты...

Вернулся долгожданный свет — лицу,

Слезы вернулись — сухим глазам,

Радость-журавль прилетел издалека,

В душу вошла знакомая боль...

И вот, наконец, все дома.

ПОДРАЖАНИЕ ТУРКУ¹

Высок он,

И мысль его высока,

И конь высокий под ним.

И вьются поводья в крепких руках,

Как две змеи.

В глазах у коня — красный Закат,

В глазах у коня — ясный Восход.

¹ Турку — народная песня.

Вдет сапог в стремяна,
А к каблуку
Пригвождена не жена,
А полумесяц луны.

НАПРОТИВ

Не изменился портрет с тех пор,
Там же ковер висит,
Где и висел.

Портрет по-прежнему
Смотрит на ружье,
Которое на ковре.

Ружье, ослепшее
На оба глаза.

Портрет же смотрит в упор
(Дразнится или смеется?)
А ружье
Все висит и висит.

* * *

Тела нет,
Это линии извиваются,
Вот и взгляд безглазый,

Шепот безъязыкий
Кружатся вокруг.

Есть близь и даль
Без расстояний,
Далекое да около —
Придут и пройдут они.

Нет тела,
Но есть странное,
Как кожа самого умного змея,
Как пустой дом, движения..

Не пора ли
Переселиться туда.

* * *

На скале
Титанической птицей,
Вложив тяжелый клюв в ножны,
Спит его ненависть.

Кто мать этой ненависти? Кто отец?
Ей
Незачем знать.

Увеличивается она
День за днем.
И чем огромней становится,
Тем крепче сон этой птицы.

Одними глазами мать
Простится.
Заплаканный платок жены
Не машется,
Ты сам сломал крыло платка.
Тебе не машет ни деревцо,
Не провожают поля. У гор
Пасмурные глаза...
Вот так ты погиб средь бела дня.
А тело твое уехало прочь
Из Отчизны
В купе, попивая стакан чая.

Была бы голова
Не так уж тяжела,
Хотя бы как у ворона,
Я жил бы до трехсот.

Была бы сила,
Хотя бы как
У Исламходжи,
Который из века в век
Все смотрит на все,
На то он и минарет, —
Я жил бы, пережил
Любого ворона век.

Была бы шкура толста,
Хотя бы как у осла,
Что мирно травку ест,
Обходя минарет, —
Клянусь вам: я жил бы
Подольше всех ослов.

ХАУЗ

Максуду

Здесь когда-то мы и жили.
Этот хауз был у деда,
А теперь в нем воды нет,
А на дне лишь листья.

Тополь освободился от груза.
Края хауза — как губы в соли.
Ходит по дну воробей, как рыба,
Ставшая птицей от безводья.

Ходим и мы, два брата,
На дне, как туристы.

На моей земле —
как птица, пуглив,

как овца, кроток,
трудолюбив, как муравей,

как рыба, безъязыкий,
мудр, как змей,
на моей земле,

как заяц, зорек,
грустен, как лебедь,
верен, как собака,
и предан, как конь —
на моей земле любимой.

* * *

Абдулле Каххару

Мертвым не говорят: «Здравствуй».
Если он умер,
Мы скажем это его книге.
Памятник тому, кого никто не носил на руках,
Мы понесем через весь город.
Мы поставим его
В самом лучшем районе
Или хотя б на кладбище.
Памятник легче носить на руках,
Чем человека.

* * *

Когда-нибудь,
В один прекрасный день
Я дам вам список всех своих неправд,
Чтоб вам пометить даты и понять
Со скидкой на год рожденья их.
Но, если это все насквозь из лжи
(Бывает же все истинное—истинно насквозь),—
То не щадите,
Жгите, жгите их,
Мои неправды,
Как когда-то жгли истину.

* * *

Что мне тебя искать — не найти
Потерянный жемчуг.
Можно ли то, чего уже нет,
Еще называть «жемчуг»?
Ведь смысл не в слове «камень»,
А в камне самом.

Кто ж спотыкается о слова?
Никто. Но камень, его...
чтоб не споткнуться, обходят.

* * *

...У виноградника отрезают лишнюю лозу,
Но уж не плод.
У собак рекомендуется обрезать уши
И подрезать хвост.
А человеку, ему-то что?..

Не мешает обдумать эту мысль хорошенько,
Сняв тибетейку и положив ее на топчан.
Потому что здесь выбор так велик,
Столько спорных деталей у нас.

* * *

Если тополь
Научат песню писать?
О чем он напишет?
Он бы о небе,
Он бы о солнце,
А потом —
Только о путешествии.
Путешествии, путешествии.
Путешествии.

* * *

И эту лампу я погасил —
Сгорел
Год о двенадцати фитилях.

Если же увлажнились глаза,
То виновник — дым
Погашенной лампы.

* * *

Завтра обязательно будем счастливы,
Если сегодня останемся живы.

Завтра догоним любую мечту,
Если сумеем сегодня бежать.
Завтра разделим на всех веселье,
Если сегодня его найдем.
Не будет грустные песни поэт
Петь завтра.

* * *

Радость — глаз, не знающий сна.
Здесь «страдать» — неизвестный глагол.
Повода нет и грустить.
Никто не заплачет, никто не умрет — тут!

Так!
Здесь яблоку вечно висеть на ветвях,
Червь не войдет в него никогда,
А яблоко не упадет вниз.

Радость — глаз, не знающий сна.

* * *

Нежность — пиала воды,
Сестра любви.
Нежность — это дрожащая рябь,
Смысл пересохших губ.

Нет больше в мире
Не пересохших губ.

СТАРОСТЬ

Но
Я не пил вино,
Не курил табак
Тогда.
Я был горд настолько и так,
Как джигит.

Что со мной?
Щеки в рисунках морщин.

Как бы кривляется лицо,
На макушке — ни волоска,
Лысина так блестит,
Как сиденье у кресла, куда сто лет
Садился какой-то
Хан.

ФОТОГРАФ

Улыбайтесь, улыбайтесь,
Этот снимок останется для всех.
Улыбайтесь:
Как вертикаль — длиннолицый,
А широкоскулый — во всю ширь!

Улыбайтесь и не пеняйте,
Уж такая-то работа, друг —
Я же покажу не бутон закрытый,
А цветущий букет роз,
А по-узбекски: не то, что под касой,
А саму касу.

Живей улыбайтесь:
Снимок останется для потомков.

* * *

Танцуют с музыкой —
Как ритуал.

И мысль сверлит:
«Беги от них».

Балкон — как обсерватория.
Звезды, как стрелы, сверкают.
А все бьется мысль:
«Беги, беги».

Вхожу, ложусь, маюсь,
Снотворное пью — целую пиалу.
Женщина где-то колышется,
А во мне — та же мысль.

Не дает уснуть, эта мысль,
Не дает окунуться в праздность —
Как мои возможности, мизерная
И космическая, как само бегство.

* * *

Пусть он не птица,
он тоже не прочь лететь,
пусть он не пес,
ему тоже хочется выть,
пусть он и не солнце,
но тоже хочет жить вечно.

Ведь он и не дерево,
а опадут и его листья.

БЕССОННИЦА

Убаюкивая себя,
Шепчу в оба уха:
Ничего не случилось сегодня. Забудь.
Забудь, что услышал,
Забудь, что увидел,
Что знаешь, забудь.
Не верь ни левому глазу,
Ни правому.
Усни.

Смеживаются веки. Но мне мешают
Глаза мои, — они горячи,
И я им так верил.

ТАК ДЕД РУГАЛ МУХУ

Неужели куда-сесть тебе,
Кроме дастархана
И... нервов человеческих?

Нельзя назвать тебя душой,
Подлой невозможно назвать,
Даже «Пошла прочь!» недостойна —
Как же выгнать тебя из дома?

Тварь, которая оскорбления ниже
И обыкновенной брани ниже — тварь.

* * *

Еще на двадцать лет
Хватит у него терпения,
Чтобы слушать поток назиданий,
Может, на тридцать.
Кто знает.
Во всяком случае,
Уши у него еще достаточно крепки.
Только с недавних пор
Ему стало изменять тело;
После каждого наставления
В нем прибавлялся некий вес,
Неприятная полнота.
И он теперь справедливо думает о том,
Почему эти люди, болтая,
Не худеют ни на грамм?

* * *

И это пройдет, лишь поспишь,
Отпустит усталость у стола,
У тела опять готовность жить,
А у губ — говорить.

Те же ухмылки, то же вино,
Та же мрачная ширма у глаз,
Издавна от рюмки второй —
Пустота.

Сорвется якорь веселья с цепи,
Над снедью застынет бокалов круг,
И вырвется песня, как детский зверь,
Напуганный темнотой.

Поешь! — и оазис возникнет вот-вот,
Дрожащий мираж, туда не дойти,
А песня — как высланный воп оред,
Не приземлится нигде.

Голос охрипнет, а та
Песня скользит из-под век,
Не останавливайся, а то
Тут же поглотит тебя пустота.

* * *

Горе глубоко,
Но суть ясней.

А зверь в человеке
Уже не тот,
Не обезьяний зверь.
Ходит династия сыновей,
Не подставлявшая пуле грудь.
...Пуля вошла меж лопаток отцу,
А заживает в моей груди.
Может быть, пуля мала, слаба,
Еле заметна, — как ни смотри...
Ведь если смотреть
В перевернутый бинокль,
Станет маленькой не только рана,
Но и любой народ,
Горе глубоко,
Но суть ясней.

МОНОЛОГ ХВОСТА

Я сам себе хвост.
Я не следую ни за кем.
Я не виляю ни перед кем.
Не привязываю сито, как мышь,
что не может влезть
в нору, а еще и привязывает к хвосту... сито.
Тот, кто пытается связать меня в узел —
зря тратит жизнь.
Я сам себе хвост.
Я не помню, когда был отделен от хозяина,
и помнить не хочу.
В моем сознании блестит лишь взметнувшийся когда-то

надо мной топор.
Этот блеск озаряет всю мою жизнь.
Этот блеск — мое солнце!

* * *

В воздухе — протянутая ладонь,
Открытая, жаждущая.
Протяните руку навстречу, я сказал.
Не протянули.
Теперь пеняйте на себя.
Мы потеряли этого человека.
Рука, что повисла в воздухе,
Все больше наливаются,
Как на ветке плод.
Но это не яблоко величиной с кулак,
А кулак величиной с огромное яблоко.

* * *

Товарищ Праздник, я Вас поздравляю
вот этими людьми веселыми,
лица которых всегда готовы улыбаться!
Я Вас не опавшими листьями,
а зеленью прошедшего лета
поздравляю.
Я не хочу поздравить Вас этими птицами,
что сидят на ветках и дрожат от холода,
не ведая о празднике.

Я не поздравляю вас людьми, которые,
сидя у окна, своим дыханьем
стекла не оттаивают.
Вот оно,
подернутое изморозью стекло,
стекло с узорами — открытка с поздравлением на
обороте,
не отправленная по неизвестной причине.

* * *

...И в кругу лжецов он считался «своим».
Он каждую протянутую ему ложь
С наслаждением поглощал, как грушу,
И запивал всеобщим восхищением.
И тут же в ответ обманывал обманщиков:
Свою правду до предела разукрасив,
Чтобы она походила на их грушу,
Он отдавал ее напротив сидящему,
И тот спокойно принимал грушу,
Не сомневаясь в подлинности ее.

* * *

Чем больше живу, тем больше я жизни—друг,
Чем взрослее, тем меньше говорю о смерти,
Меньше ругаю ее, меньше пою.
Чем ближе к смерти,
Тем реже о ней, реже.
Чем ближе к смерти,
Тем тише о ней, тише.

...Все перестают судачить о царе,
Вступив на порог дворца.

* * *

За это слово
Сто лет назад
ему бы выкололи глаза.
За это слово
триста лет назад
ему бы отрезали язык.
За это слово десять веков назад
поплатился бы он жизнью.
Ходил бы сейчас по векам
в поисках выколотых глаз,
отрезанного языка,
чтобы сказать это слово сегодня.

ОСЕНЬ

Солнце, как гений —
Никак
Смотрит, и взгляд пуст.
Ветер с лентой шляется
По безлюдным аллеям.
Ива, усталая,
Трогает скамейку

Ощупью, чтоб присесть...
Лишь небо над нами
Навсегда —
Сильное, синее!

* * *

Сушу сигареты. Моя жизнь обретает смысл. Я это чувствую, катая табак неуклюжими пальцами, и запах его вызывает счастливые воспоминанья о днях «звнящего одиночества», как сказал один поэт.

Я опять не хочу умирать.

Я опять не боюсь смерти.

Скорлупа моей воли была трусостью: перед жизнью.

Неуклюже катая табак, я чувствую, как эта скорлупа трещит и рушится в пальцах, а прямо перед моими глазами — моя жизнь.

СОНЕТ

Душа моя, переживай себя:
Чему сгореть в итоге — пусть горит!
Огонь голубой у нас и синева,
Роженица-Вселенная гудит!

Она поет, дрожащая судьба,
Какой, какой ей выбрать горизонт?

О молодость, смотрящая сюда,
Где месяц август мой от счастья густ!

Взовьется ветер, обовьет вокруг,
Вмиг пересохнут губы, и у гор
Увидится вершина или грусть.

И сердце тронется куда-то вдруг,
И тот цветок, как маятник у гирь,
Мне чьим-то именем вонзится в груди!

СОДЕРЖАНИЕ

«Август...»	5	«Телефонные трели!..»	24
«У аруза мотив...»	5	«Если я уйду...»	25
«Рассвет. Луна тускнеет...»	6	«Я испугался...»	25
«Ивы может и не быть...»	6	«Ты любишь эту девчонку...»	26
Вечер	7	«Я радостный душой...»	26
Белые тополя в овраге	7	«В эту ночь небо — как никогда!..»	27
Ночь в горах	8	«О, не вдова...»	27
«В груди дрожь...»	8	«Не тоскуй...»	28
«Молния блещет...»	8	Город	29
«Опускаются сумерки...»	9	Ненастный день	29
«Вот уж три дня...»	9	«Так-то и жил-был...»	30
Думы	10	«Я обманул тебя...»	30
«Человек, лежа в травах-цветах...»	10	«Мы-то знаем...»	31
Ночные метафоры	11	«Жизнь пройдет...»	31
«Я не могу ни светить, ни сеять...»	12	«Я помню: был воскресный день...»	31
«На провод сел дрозд...»	12	«Тебе нравится...»	32
«Кто хочет лететь...»	12	«Я щедр, но я не царь...»	33
Веселый эгоист	13	«Не помню, какие события...»	33
Заклинание	14	Самая обыкновенная песня	34
Сонет	14	Тайна	34
«Свобода — это прозрачный дом...»	15	Жизнь	34
«Живи, живи...»	15	«Мне было шесть лет...»	35
«Этому нравится конская торба...»	16	«Нет у весны рук...»	36
«Пепельницы в форме рыбы...»	17	Силлогизм	36
«Шар голубой — небесный...»	18	Взгляд	37
Стихотворение	18	«Человек, который собрался в дальний путь...»	37
Хорезмский сегах	19	«Увидел я в небе лицо поэм...»	38
«Если яблоня вдруг поумнеет...»	20	«Сын мой, и я...»	39
«Дни — хрустальные четки...»	20	«Тот мигнет, а тот усмехнется...»	39
В тени памятника	21	«Держал его руку...»	40
В доме отдыха	21	Когда нечего сказать	40
Для вас	22	«Конь спит стоя...»	40
«Открываю глаза и вижу...»	22	Вы и он	41
«Шорох шагов отзвучал и стих...»	22	Горе	41
«Дверь, — внезапный звонок!..»	23	«Я не нуждаюсь...»	42
Как бы	24	Он	42
		Небо	46
		Воздушный змей	46
		«У меня в языке нет и буквы худой...»	48

«Десять сыновей ушли на войну...»	48
Слепые	49
«Есть у меня путь...»	49
Триптих	50
«Еще не взяв урок у Аристотеля...»	54
«Ты, не умиравший ни разу...»	54
«Три года молила старуха...»	55
«Ты умер...»	55
Прощание	56
«Я не глупец...»	56
«Даже если бабушка и стара...»	57
«Вещи перестали двигаться вдруг...»	58
«Вот: у ворот...»	58
Смерть друга	59
«Не меня...»	60
«Я заболел...»	61
«Утро собирается встать...»	61
На веранде	62
Лампы не те, мотылек не тот	62
«Птицы устали петь...»	63
Время	63
Против сравнений	64
Ночь лета	65
«Если ты, увидев слезы...»	65
Два стихотворения о насекомых	65
Штрих	66
Земля — море	66
Возвращение	67
Подражание турку	67
Напротив	68
«Тела нет, это линии извиваются...»	68
«На скале титанической птицей...»	69
«Одними глазами мать простится...»	70
«Была бы голова не так уж тяжела...»	70
Хауз	71
«На моей земле...»	71
«Мертвым не говорят...»	72
«Когда-нибудь...»	73
«Что мне тебя искать...»	73

«У виноградника отрезают лишнюю лозу...»	74
«Если тополь научат...»	74
«И эту лампу я погасил...»	75
«Завтра обязательно будем счастливы...»	75
«Радость — глаз, не знающий сна...»	75
«Нежность — пиала воды...»	76
Старость	76
Фотограф	76
«Танцуют с музыкой...»	76
«Пусть он не птица...»	77
Бессонница	78
Так дед ругал муху	78
«Еще на двадцать лет...»	79
«И это пройдет...»	80
«Горе глубоко, но суть ясней...»	80
Монолог хвоста	81
«В воздухе — протянутая ладонь...»	82
«Товарищ Праздник...»	82
«...И в кругу лжецов...»	83
«Чем больше живу...»	83
«За это слово...»	84
Осень	84
«Сушу сигареты...»	85
Сонет	85

МУХАММАД СОЛИХ

Луна в колоде

Стихотворения

Перевод с узбекского

Рецензент — **Н. В. Стрижков**

Редактор **Н. Бондаренко**

Художник **А. Михайлов**

Художественный редактор **А. Кива**

Технический редактор **М. Мирраджабов**

Корректор **Л. Бейгул**

ИБ № 2892

Сдано в набор 30.11.83. Подписано в печать 07.05.84.
Р-01672. Формат 60x90 1/32. Бумага типографская № 3.
Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 2,875.
Усл. кр. отт. 2,97. Уч.-изд. л. 2,7. Тираж 5000. Заказ № 47.
Цена 30 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма.
700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Бекабадская городская типография Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

30-к.

